

УДК 94.47

Проблема социальных девиаций в сфере досуга в эпоху НЭПа на юге России в крестьянской среде

Сусанна Джамиловна Багдасарян

Сочинский государственный университет, Россия
354000, Сочи, ул. Советская 26 а
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: bsd73@mail.ru.

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы социально-культурной политики советского государства при формировании новой советской культуры в южно-российской крестьянской среде в период 1920-х гг. Анализируются социальные девиации, возникающие в крестьянской среде в сфере досуга.

Изучение проблем формирования новой социально-культурной политики Советского государства в сфере преобразований традиций крестьянства на юге России в 1920-е годы и возникающих социальных девиаций являются актуальными для исследовательской работы и научной дискуссии. Рассмотрение методов идеологической работы молодого Советского государства в сельской местности с формами отклоняющегося поведения в проведении досуга крестьянского мира на региональном уровне вызывает научно-исследовательский интерес в изучении аспектов политики советской власти в сфере формирования новой праздничной культуры. Статья основывается на различных источниках, использованы и нормативно-правовые, публицистические и архивные материалы, которые рассматриваются в соответствии с проблематикой и методикой исследования.

Ключевые слова: алкоголизм; советская власть; традиционная крестьянская культура; деревня; досуг; социальная девиация; самогоноварение.

Введение. Советская повседневность в сфере досуга сельских слоев населения представляет научный интерес в связи с коренными изменениями 1917–1920-х годов. Научные исследования традиционно изучают аспекты военной, гражданской, политической истории, но зачастую упускают повседневность как проблематику. Революционные потрясения и гражданская война за время 1917–1922 гг. в России привели к радикальным изменениям не только социально-экономического и общественно-политического характера, но и к деформациям культурного традиционного образа жизни крестьян, распространению разного рода социальных девиаций – от преступности до алкоголизма, изменению морально-нравственного облика человека. Поэтому предметом научного исследования стало распространение таких асоциальных явлений в области деревенского досуга на Дону, Кубани и Ставрополье в эпоху НЭПа, как безудержное пьянство и хулиганство.

Обсуждение. Традиционно алкоголь был и остается важным элементом праздного времяпрепровождения у самых разных народов, всевозможных социальных и профессиональных групп, от высшей аристократии до откровенных маргиналов. Безусловно, столь широкое распространение употребления алкогольных напитков объясняется как сходными условиями представителей одних и тех же социально-профессиональных групп в разных странах, так и известным значением этих напитков как социальных антидепрессантов. Как говорил член Президиума ЦКК А.А. Сольц на собрании юнкоры газеты «Молодой ленинец» 24 апреля 1926 г., «стремление пить у людей появляется от скучной жизни. Алкоголь делает жизнь легче. Отсюда стремление – выпить и забыться» [1]. Или, скажем, пьянство рабочих – английских, германских, российских и т.д. – в значительной мере было обусловлено именно тем, что «их организм, ослабленный продолжительной работой, скудным питанием и спертым воздухом на фабрике, чувствовал потребность в каком-то возбуждающем средстве. Водка не только возбуждала, но и была источником веселья – ведь других развлечений у них не было. Кроме того, водка заглушала сознание горькой нужды, давала

забвение тяжелой жизни и подавляла страх за завтрашний день, когда по капризу хозяина их могли выбросить на улицу» [2].

Крестьяне, вне зависимости от конкретной исторической эпохи и от того, в каких государствах они жили и к каким народам принадлежали, также рассматривали алкоголь в качестве одного из самых эффективных средств, позволяющих отдохнуть от повседневных забот. В данном случае наилучшее из известных нам описаний отношения земледельцев к горячительным напиткам принадлежит Р.Я. Райт-Ковалевой: «Закончив дела, народ собирался в таверне, неподалеку от церкви, выпить кружку эля, поговорить – словом, провести время, как испокон веков проводят его во всех концах земли в харчевнях, салунах, трактирах и тратториях степенные сельские хозяева, люди солидные, неразговорчивые, неторопливые... Медленно раскуриваются трубки, медленно, смотря по погоде, разматываются теплые шарфы или расстегиваются тесные воротники рубах, не спеша тянут тяжелые крупные губы пиво, эль или другую не слишком хмельную влагу, не спеша вынимаются из кошельков пенсы, пятаки или песеты. Человек поработал, человеку надо отдохнуть» [3].

Результаты. Русские земледельцы были вполне солидарны с представителями аналогичных социальных групп зарубежья в том, что алкоголь представляет собой весьма неплохое дополнение к празднику и досугу: «какой хороший хозяин в погоду поле оставит? Какой добрый человек в праздник от чарки откажется?» [4]. В досоветский период жители российской деревни пили регулярно и не ограничивали себя в средствах на алкоголь, раз уж последний рассматривался как непременно условие праздника. По подсчетам специалистов, крестьяне всего лишь 12 из 90 губерний Российской империи в течение двух неурожайных (!) лет – в 1905 и 1906 годах – истратили на водку «сумму, превышающую стоимость почти всех кораблей Балтийского и Тихоокеанского флотов империи, вместе взятых, а также вооружений, уничтоженных и захваченных японцами в Порт-Артуре, при Цусиме, Ляояне, Мукдене и в местах других сражений» [5].

Вместе с тем в досоветской российской деревне господствовало отношение к алкоголю именно как к весьма распространенному средству досуга, которому не было места в обычном меню крестьянина и его семьи в будние дни. Сохранилось немало авторитетных свидетельств о том, что вне праздника крестьяне обычно не злоупотребляли спиртным. Так, в 1913 г. Д.Н. Воронов утверждал: «Что деревенское потребление определяется главным образом обрядовыми мотивами, установившимися общественными обычаями, а не развитою личною склонностью к алкоголю, как это имеет место в городах, – доказывается ничтожным числом среди крестьянского населения как регулярных потребителей, для которых вино является обычным спутником пищи, так и алкоголиков, привычных и запойных» [6]. О том же с уверенностью писал признанный бытописатель дореволюционной деревни А.Н. Энгельгардт: «Между мужиками отпетые пьяницы весьма редки. Я вот уже год живу в деревне и настоящих пьяниц, с отеками лицами, помраченным умом, трясущимися руками между мужиками не видел» [7].

Специальная комиссия при Обществе охраны народного здоровья в Российской империи, занимавшаяся изучением проблемы алкоголизма, констатировала в начале XX в., что основными потребителями водки выступали горожане, а не сельские жители. По данным комиссии, если в деревне ежегодно на взрослого мужчину приходилось $1\frac{1}{5}$ ведра хлебного вина (то есть водки), то в обычном городе – 4 ведра, а в столицах – и вовсе 7 ведер [8].

Как бы там ни было, сопровождавшее крестьянский досуг пьянство не украшало жителей российской деревни. Большевики рассматривали алкоголь как одно из наследий ненавидимого ими досоветского уклада и потому, придя к власти, поставили перед собой благородную задачу избавления российского общества и крестьянства как преобладающей его части от пагубной алкогольной зависимости. В проектируемом партийно-советским руководством социалистическом обществе «не должно было остаться места таким пережиткам «проклятого прошлого», как пьянство и тем более алкоголизм» [9]. Казалось бы, условия благоприятствовали замыслам. Ведь еще в годы Первой мировой войны в России был введен «сухой закон», тем самым царское правительство заложило мощный фундамент под антиалкогольные инициативы советской власти. На деле, однако, запреты на употребление горячительных напитков не действовали ни в досоветской, ни в советской России, так как население в кратчайшие сроки изыскало обходные пути. Уровень

алкоголизма в 1920-х гг., как в городах, так и в деревнях Советской России и Советского Союза, был не ниже дореволюционных показателей и, по некоторым данным, даже превысил их, что стало одним из проявлений характерных для «эпохи перемен» деструктивных тенденций.

В 1920-х гг. самогонварение буквально захлестнуло Советскую Республику. Причем такое «чертово изобретение» [10], как самогон, в рассматриваемый период получило наибольшее распространение именно в деревне, так как здесь для него наличествовали самые благоприятные условия: относительно слабый административный контроль и наличие постоянно обновляемых запасов зерна.

Самогонные аппараты, необходимые для изготовления вожделенного зелья, крестьяне мастерили сами либо заказывали таковые деревенским умельцам (у которых, таким образом, появился дополнительный заработок). В одном из литературных произведений 1920-х гг. нехитрое приспособление для изготовления горячительного зелья описывалось следующим образом: «аппарат, сделанный знакомым «паялой» из листового железа, похожий на самовар, поставлен был дном на кирпичи, сложенные в виде маленькой печурки, в которой был жар, нагревавший аппарат, а сама самогонка капала из вставленной в трубку соломинки прямо в бутылку» [11].

Такого рода специально изготовленных аппаратов в советской доколхозной деревне, в том числе и южно-российской, было более чем достаточно. В многочисленных источниках с печальным постоянством сообщается, что в различных селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополя «самогонщиков немногим менее, нежели жителей» [12], что «почти все граждане занимаются варкой» этого зелья, вследствие чего, проезжая через такие заповедники самогонварения, «чувствуешь, что и на улице стоит сильный запах от самогона» [13].

Разумеется, расцвет самогонварения в доколхозной деревне объяснялся не только слабым контролем властей (о чем еще пойдет речь далее) и наличием сырья, но и спросом со стороны сельского населения: не будь спроса, не было бы и самогонной индустрии. В деревне эпохи НЭПа, пережившей тяжелейшие военно-революционные испытания, наблюдавшей крушение существовавшего веками уклада жизни и нервно реагировавшей на социальную и налоговую политику большевиков, создались идеальные условия для девиаций, в том числе и алкоголизма. В той или иной мере пило подавляющее большинство сельского населения, вне зависимости от возраста, профессии, имущественных и социальных различий. Источники полны категоричных свидетельств о том, что «самогон и водка окутывают деревню смрадным туманом» [14], что здесь «замечается увеличение пьянства» [15], что старики и молодежь «пьют зверски» [16].

Кстати, нельзя не согласиться с И.Б. Орловым в том, что «специфической чертой деревенского пьянства эпохи НЭПа явилось раннее приобщение к алкоголю молодежи как следствие бурного развития самогонварения в деревне» [17]. Действительно, современники констатировали «наличие пьянства» [18] среди молодых крестьян, указывая: «молодежь в деревне темная. По воскресным дням больше пьяная бывает» [19]. Следует лишь добавить, что причиной ширившегося алкоголизма среди молодых жителей села стала не только доступность самодельных горячительных напитков, но и аномия общественного сознания вследствие грандиозных социальных потрясений и радикальных преобразований традиционного крестьянского жизненного уклада.

Взросшие размеры пьянства в постреволюционной деревне сопровождались, разумеется, и увеличением расходов на самогон и водку, также появившуюся в продаже. Еще в досоветские времена представители российской общественности справедливо утверждали, что, «если бы деньги, которые крестьяне расходовали в праздники на алкоголь, они употребили бы на улучшение своего хозяйства, они привели бы российское сельское хозяйство в цветущий вид» [20]. Такого же рода мнения отражены и в советской прессе. В частности, в январе 1929 г. корреспондент газеты «Молот» З. Лерт писала, что казаки расположенной под Новочеркасском станицы Грушевской в течение предыдущего года потратили на выпивку 34 956 руб. и еще 21 тыс. руб. потратили на оплату услуг священников. В то же время по самообложению [21] казаки сдали всего лишь 8 284 руб. 24 коп. (эти цифры были получены Лерт от местных школьников, проводших соответствующее исследование). Лерт констатировала, что на пропитые и отнесенные попам деньги жители Грушевской могли бы купить как минимум 10 тракторов, плюс две молотилки, прокатный пункт да еще одежду для бедняцких детей и

т.д. Увы, все эти выгодные приобретения исчезли в пьяном угаре. Напротив, на значительно меньшую сумму, собранную по самообложению, была построена школа в хуторе Камышеваха, достроена еще одна школа в другом населенном пункте, создана и оборудована ветеринарная амбулатория, построено и починено несколько мостов, куплено семенного зерна на 1 500 рублей [22].

Самогоноварение и пьянство, распространявшиеся в селах и городах СССР, серьезно беспокоили представителей власти и советской общественности, заставляя их принимать соответствующие меры. В данном случае следует различать собственно антиалкогольные мероприятия и действия по борьбе с самогоноварением, так как в 1920-х гг. здесь наблюдалась довольно двусмысленная ситуация.

Наиболее последовательно и бескомпромиссно проводилась «борьба с самогонщиной» [23], поскольку варка самогона сокращала запасы хлеба в деревне и, следовательно, затрудняла реализацию государственной налогово-заготовительной политики. Против самогонщиков применялись как административные и уголовные меры, так и методы общественного воздействия.

Согласно статье 140 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., за самогоноварение и хранение алкоголя без цели сбыта предусматривался крупный штраф (от которого милиции полагались премиальные отчисления, что должно было стимулировать активность правоохранителей в борьбе с самогонщиками). За те же деяния, но еще и повлекшие за собой продажу спиртосодержащей продукции, законом было установлено наказание в виде лишения свободы на срок не менее 1 года с конфискацией части имущества, а для рецидивистов – на срок не менее 3 лет с конфискацией всего имущества. При конфискации в первую очередь изымался самогонный аппарат.

Все перечисленные меры борьбы с самогоноварением и установленные законом наказания применялись в селах и станицах Юга России неоднократно. Так, 4 октября 1922 г. Черкасский окружной исполком разослал всем станичным и волостным исполкомам циркуляр, в котором приказывал «строго следить за самогонщиками», наказывая их в первый раз штрафом в размере от 1 тыс. до 25 тыс. руб., во второй раз привлекая к суду [24]. Нередко над самогонщиками устраивались открытые судебные процессы, дабы продемонстрировать всем мощь советского правосудия и неотвратимость наказания для действующих и потенциальных изготовителей спиртного. В частности, в марте 1926 г. на 1-м госруднике города Шахты прошло «громкое дело (показательный процесс) 13 самогонщиков, систематически спаивавших рабочих и ближайшее к руднику население самогоном» [25]. Поскольку самогонщики, торговавшие своей продукцией, приравнивались к спекулянтам, еще одной мерой воздействия на них являлось лишение избирательных прав. Например, в списке «лишенцев» по станице Ольгинской за 1921 г. значились два самогонщика [26].

В целях активизации борьбы с самогоноварением на Юге России, как и в других регионах страны, проводились специальные кампании. Такая кампания стартовала в Северо-Кавказском крае в начале 1928 г. и уже к февралю того же года дала следующие результаты: было оштрафовано 1 589 самогонщиков на общую сумму 20 663 руб. (суммы штрафов получались не такие уж и большие – всего примерно по 13 руб. на человека), отправлено на принудительные работы 164 чел., привлечено к уголовной ответственности 166 злостных самогонщиков, конфисковано 653 самогонных аппарата и 17 896 литров самогона. Кроме того, в рамках кампании был объявлен «трехдневник добровольной сдачи самогона», в ходе которого в крае было сдано 213 аппаратов и 54 литра самогона, как видим, население не очень охотно поддержало инициативу властей [27].

Как ни парадоксально, наиболее эффективным средством борьбы с самогоноварением стала отмена «сухого закона» и введение государственной монополии на торговлю спиртным. С декабря 1924 г. в СССР началась продажа 30-градусной водки, с октября следующего года была введена казенная винная монополия.

Поступление в продажу изготовленной на госпредприятиях водки не привело к полному исчезновению самогоноварения: прежде всего, цена казенной алкогольной продукции не всегда была ниже, чем стоимость самогона; к тому же, как справедливо заметил К.Б. Литвак, «наличие в хозяйстве самогонного аппарата делало бессмысленной покупку водки» (впрочем, по его же словам, «возможность такая появлялась только при известном недостатке сырья – хлеба. Если же его не хватало, то алкоголь приобретал заметное

место в деревенском товарообороте») [28]. Иной раз водка вообще не поступала в деревню, где ее не очень охотно брали, а распродалась в городах [29].

Отсюда разноречивость содержащихся в источниках оценок государственной винной монополии как средства борьбы с самогонварением. Одни очевидцы утверждали, что после появления водки в свободной продаже «самогон пошел на убыль» [30], другие же, напротив, били тревогу по поводу «все более прогрессирующего и все более углубляющегося развития самогонварения» [31]. Бесспорно, однако, что во второй половине 1920-х гг. масштабы изготовления и потребления самогона в советской деревне (в том числе в селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополья) были меньше, чем в начальные годы того же десятилетия.

Вместе с тем, заметив масштабы самогонварения путем целенаправленного введения государственной винной монополии, большевики не ослабили, а, наоборот, усилили остроту проблемы алкоголизации сельского (да и городского) населения. Неважно, что пили жители деревни, самогон собственного изготовления или купленную в кооперативной лавке водку, главное, что они продолжали употреблять алкоголь. Следовательно, замыслы идеологов компартии о полном искоренении пьянства не были воплощены в жизнь, причем не по вине каких-либо «врагов» (о чем так любили частенько трезвонить большевистские пропагандисты), а вследствие внутренней экономической политики самих лидеров ВКП(б).

Нельзя сказать, что советское правительство и общественность концентрировали свои усилия только на противодействии самогонварению и никак не боролись с алкоголизмом (хотя, такая борьба походила на битье по собственным рукам). Как правило, в данном случае использовались методы пропаганды и агитации. Устраивались разного рода лекции и выступления (скажем, в рамках вышеупомянутых «бабьих походов» против пьянства), в ходе которых сельским жителям доказывалась очевидная истина вреда алкоголизма и полезности культурных методов проведения досуга. Предпринимались многочисленные попытки «усилить культработу» [32] в деревне, развивать физкультуру как способ отвлечения крестьян «от вредных уклонов и привычек (пьянство, излишество и проч.)» [33].

Заключение. Но такого рода меры были неэффективны, так как соседствовали с увеличением выпуска продукции государственных винных заводов: в 1940 г. производство спирта в СССР вдвое превышало показатели 1913 г. [34]. В итоге алкоголь и обусловленные им социальные девиации занимали прочные позиции в сфере досуга советского (донского, кубанского, ставропольского) крестьянства в 1920-х гг.

Примечания:

1. Доклад А.А. Сольца на собрании юнкоры газеты «Молодой ленинец» 24 апреля 1926 г. // Молодой ленинец. 1926. 28 апреля.
2. Андреева Е.В. Жестокий путь. Изд. 2-е. Л., 1974. С. 144.
3. Райт-Ковалева Р.Я. Роберт Бернс. М., 1965. С. 32.
4. Запорожский Т. Максим // Красная нива. 1925. № 8. С. 173.
5. Миронов Б. Причины русских революций // Родина. 2009. № 11. С. 19.
6. Цит. по: Литвак К.Б. Самогонварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 75.
7. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб., 1999. С. 32.
8. Литвак К.Б. Самогонварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 74.
9. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008. С. 151.
10. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 576. Л. 39.
11. Подъячев С. Стихийное бедствие // Красная нива. 1925. № 6. С. 122.
12. Явич А. Выборы в сельсовет // Красная нива. 1925. № 12. С. 277.
13. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 795. Л. 495.
14. Советская деревня должна быть культурной, здоровой и чистой! // Крестьянская газета. 1928. 13 октября.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 95. Без нумерации.
16. Батрак. Задушенный хутор // Крестьянская газета. 1928. 30 ноября.
17. Орлов И.Б. Советская повседневность... С. 171.

18. Работу в деревне надо увязать с задачами социалистического строительства // Молодой ленинец. 1926. 3 марта.
19. Миша О. Никому нет дела до культурной работы // Молодой ленинец. 1925. 26 сентября.
20. Миронов Б. Время – деньги или праздник? Трудовая этика российских крестьян // Родина. 2001. № 10. С. 64.
21. Самообложение – один из налогов в 1920-х–1930-х гг., часть средств от сбора которого должна была направляться на решение местных задач.
22. Лерт З. В голубых домах // Молот. 1929. 6 января.
23. ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.
24. ГА РО. Ф. Р-2716. Оп. 1. Д. 1. Л. 46.
25. 13 самогонщиков перед судом // Молот. 1926. 27 марта.
26. ГА РО. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 2. Л. 22, 22об.
27. Первые итоги борьбы с самогонварением // Молот. 1928. 8 февраля.
28. Литвак К.Б. Самогонварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 82.
29. Как отмечали советские журналисты, «все количество водочных изделий Госспирта, получаемое местными кооперативными организациями на весь район, расходовалось исключительно в городе», так что для продвижения водки в деревню потребовалось вмешательство властей (На борьбу с самогоном // Молот. 1925. 17 ноября).
30. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 70. Л. 62.
31. ЦДНИ РО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 9. Л. 24.
32. Культурники, ау! // Молот. 1925. 13 ноября.
33. Жабо В. Физкультуре принадлежит большое будущее // Молот. 1925. 11 ноября.
34. Литвак К.Б. Самогонварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 86.

UDC 94.47

Problems of Leisure Industry Social Deviations in the Peasant Community Under New Economic Policy

Susanna D. Bagdasaryan

Sochi State University, Russia
26a, Sovetskaya street, Sochi city, 354000
PhD (History)
E-mail: bsd73@mail.ru

Abstract. The article is concerned with the problems of Soviet social and cultural policy in the course of new Soviet culture development in the South-Russian peasant community in 1920s, analyses leisure industry social deviations in the peasant community.

The study of the problem of new Soviet social and cultural policy development and social deviations in regard to peasantry traditions change in the south of Russia in 1920s is topical for research work and scholarly dispute. The examination of ideological struggle of young Soviet state with forms of peasants' leisure activity deviations in the rural localities attracts research interest in terms of new Soviet festive policy development.

The article uses different sources, regulatory, publicistic and archive data, considered in accordance with the research background and methodology.

Keywords: alcoholism; Soviet power; traditional peasant culture; village; leisure; social deviation; samogon distilling.